

Юй Шанчжи казалось, что он увидел очень долгий сон.

Во сне он спешил на важный врачебный консилиум — пациентом должен был стать один из высокопоставленных людей города Сиду, и малейшая ошибка была недопустима.

На скоростной трассе среди ночи ливень лил стеной, как будто сами небеса разверзлись. Машина прорезала фарами плотный поток воды, медленно пробираясь по почти невидимой дороге. Неожиданно автомобиль потерял управление, вильнул, ударился о дорожное ограждение — и буквально через доли секунды разлетелся на куски, взрывом озарив чёрное небо ярким, пугающе красивым «фейерверком».

Смерть наступила мгновенно.

Неизвестно, сколько прошло времени. Юй Шанчжи почувствовал, будто его сознание парит где-то в пустоте, и всё вокруг окутано слепящей белизной.

Он... умер?

Не успел он додумать эту мысль, как всё вокруг резко изменилось. Пространство словно перевернулось, кадры перед глазами сменились один за другим, и вдруг он оказался будто на съёмочной площадке исторической драмы — всё вокруг напоминало старинный мир, точно из сериала о Древнем Китае.

Юй Шанчжи с изумлением смотрел на молодого мужчину, лицо которого было в точности таким же, как у него самого. В голове роились вопросы, но выбора не было — он должен был наблюдать за происходящим.

Удивительно, но и этот человек тоже звался Юй Шанчжи. В данный момент он как раз вёл тайный разговор со свахой и возчиком: втроём они сговаривались устроить фиктивную смерть, чтобы сбежать с предстоящей свадьбы. Сначала сваха и возчик решительно отказывались от столь безумной затеи, но стоило молодому господину протянуть им связку монет — как их лица моментально изменились, а протесты исчезли, словно их и не было.

— Я с самого начала знала, тот уродливый гер тебе не пара, — причитала сваха, уверенно хлопая себя по груди. — Да и нрав у него грубый, неженский. Отменить такую свадьбу — дело непростое. Но твой план и впрямь продуман — за дело можешь не беспокоиться, всё остальное эта старуха берет на себя!

Пока она жадно пересчитывала монеты, в ее глазах отражалась алчность и довольство.

Сговор был таков: по дороге в свадебный дом «Юй Шанчжи» проглотит пилюлю мнимой смерти. Приняв её, он станет казаться мёртвым — дыхание замирает, пульс почти не прощупывается, тело обмякает — но в действительности это лишь временная остановка

дыхания.

Разумеется, семья Вэнь не позволит «мертвецу» переступить порог. А там уже сваха, слегка поплакав и выговорив несколько дежурных фраз, «уговорами» сможет вернуть его назад.

— Матушка, вот противоядие к пилюле, — сказал тогда «Юй Шанчжи». — Как только меня вернут домой, дайте выпить — и через полчаса я очнусь. Тогда я вам и извозчику сразу передам оставшиеся серебряные монеты.

Он пообещал каждой стороне по восемьсот вэнь — сумма, для них сродни подарку с неба. Если для свахи такие деньги были заманчивыми, то для возчика — поистине несбыточной мечтой: он бы и за двадцать дней тяжёлого труда не выручил столько.

Слушать, как кто-то с твоим лицом и голосом проворачивает такую подлую аферу — ощущение крайне странное. А уж видеть, насколько у того мерзкий, двуличный нрав, — Юй Шанчжи не смог сдержать презрительной усмешки.

Но трое нашли друг друга: каждый получил, что хотел, и договор был заключён.

В день свадьбы план вступил в действие.

И в следующее мгновение картина перед глазами вновь резко сменилась.

В трясущемся, медленно катящейся по дороге повозке "Юй Шанчжи" то и дело откидывал занавеску, тревожно выглядывая наружу. Он заметно нервничал, не находил себе места, взгляд его метался — то в окно, то на небо, то на землю, будто время текло слишком медленно. Прикинув, что нужный час настал, он извлёк из потайного кармана рукава завернутую в промасленную бумагу чёрную пилюлю. Вид у неё был крайне зловещий — тёмная, матовая, будто слепленная из сажи и горечи.

Настоящий Юй Шанчжи, наблюдая за этой сценой, нахмурился. За долгие годы учёбы и практики в медицине он никогда не слышал ни о каких "пилюлях мнимой смерти". Подобное нечто — очевидный обман. Но откуда тот раздобыл такую дрянь? И как она подействует?

Если в составе что-то не то, или её свойства вступят в конфликт с конституцией тела... не ровен час, притворная смерть обернётся настоящей. Через мгновение Юй Шанчжи понял, что его опасения были не напрасны — будто сглазил.

Картина перед глазами показала, как «другой он» резко схватился за живот, лицо перекопилось от боли, тело задрожало и сжалось в судорогах. Прошло совсем немного времени — и вот уже холодный пот покрыл лоб, по телу пробежала последняя крупная дрожь, изо рта вырвался густой сгусток крови. Затем голова опустилась, и тело обмякло — полная неподвижность.

Снаружи, услышав подозрительные звуки, оба сообщника — сваха и возчик — в панике остановили повозку.

— Э-это... это ведь просто дыхание должно было замереть! Почему он кровью харкнул?!

Сваха, будучи женщиной пугливой, едва увидев кровь, осела, ноги словно ватой налились.

Возчик оказался храбрее. Хмурясь, он полез в повозку, прощупал пульс, прислушался — и, вернувшись, сказал с мрачным лицом:

— Похоже, он действительно умер.

— Ч-что?! — сваха отпрянула сразу на добрых десять шагов, пальцы сжали алый свадебный платок в комок.

— Это что теперь делать?! — запричитала она, голос сорвался на визг. — Если кто-то донесёт в ямен, нам не отвертеться!

Возчик долго молча смотрел в сторону повозки, а потом с презрением сплюнул на землю:

— Об этом деле знаем только ты, я да он. Он ведь и так собирался притвориться мёртвым, теперь просто... по-настоящему умер. Какая разница?

Сваха, умевшая зарабатывать на жизнь одними только речами, всегда отличалась сообразительностью. Её взгляд забежал, в голове быстро крутились мысли. Через несколько мгновений она осторожно переспросила:

— Ты это... к чему клонишь?..

Возчик хладнокровно произнёс:

— Раз уж начали — доводим до конца. Довезём его до семьи Вэнь, сделаем вид, будто всё идёт по плану, а когда вернёмся, заберём у него кошель с деньгами — и зарыть где-нибудь, чтобы никто не нашёл. Что скажешь, баба, кишка не тонка?

Увидев в глазах возчика жестокое, решительное выражение, сваха испугалась — поняла, что если сейчас откажется, он и её ради молчания может убрать. Так что поспешно заверила:

— Сделаю! Всё сделаю! Когда приедем к Вэням — я сама всё скажу!

Так они, два соучастника, быстро достигли мерзкого согласия. Они торопливо опустили

занавес в повозке, возчик хлестнул бичом — бык пошёл вперёд, да ещё и быстрее, чем прежде.

На этом моменте перед глазами Юй Шанчжи всё оборвалось. Мгновенно его голову пронзила резкая, разрывающая боль, словно в череп втиснули чужие воспоминания. Неизвестные, совсем не его. Волна тяжёлой, всепоглощающей агонии накатила с такой силой, что он почувствовал, будто тонет в глубине бездонного водоёма. Инстинкт взял своё — он изо всех сил «плыл» вверх, к поверхности, к жизни. И в какой-то миг удушье исчезло — словно спала приливная волна.

А вместе с ней — у мужчины на постели, где он несколько часов лежал без сознания, дрогнули ресницы, и он, наконец, медленно открыл глаза.

Перед глазами была кромешная тьма — совершенно ничего не видно.

Я ослеп? — это была первая мысль, которая пришла Юй Шанчжи в голову.

Я, похоже, попал в другое тело... — вторая.

Совокупность этих двух фактов настолько ошеломила его, что он долго не мог прийти в себя.

Однако воспоминания прежнего хозяина тела уже укоренились в его сознании. Юй Шанчжи пробежался по ним, постепенно раскладывая всё по полочкам и складывая воедино картину произошедшего.

Оказалось, что прежний «Юй Шанчжи» был самым настоящим никчемным подмастерьем врача — знания поверхностные, лень патологическая, да ещё и азарт к картам прилип, как проклятие. После того как старый лекарь Цинь, приютивший его, умер, этот бездельник продал всё, что можно было продать: и скромное имущество покойного, и лекарственные травы, и вещи хоть как-то ценящиеся на рынке.

Так он прожил чуть больше месяца — пропивая и проигрывая нажитое. А потом остался не только без гроша, но и влез по уши в долги: на него повисла карточная задолженность в двадцать лян серебра. Для обычной деревенской семьи это сумма, которой едва хватит на год жизни — а для такого, как он, и подавно непосильная.

И именно в этот момент на его пороге появилась старая сваха Хуа, по поручению Вэнь Ецяя, ищущая для семьи Вэнь подходящего зятя, который вошёл бы в дом как жених на правах чжусюя.

Сваха Хуа прекрасно знала, что за человек был прежний Юй Шанчжи, но это её не остановило. Её подкупила его внешность: утончённая, аккуратная, со следами книжной учёности — наверняка именно такой и нравился тому геру из семьи Вэнь, Вэнь Ецяю.

Ну и что, что любит играть? — думала она. — Да у какого мужика азарту нет?

А тот Вэнь Ецай, в конце концов, всего лишь уродливый гер. Такому заполучить красавца — разве не великое счастье? Да наверняка вся родовая гробница семьи Вэнь дымом пошла от удачи! А ей, свахе, за это — ни много ни мало — два ляна серебром в карман. Грех отказываться.

А прежний Юй Шанчжи и вовсе был прост до предела: увидел, что за такой брак дают двадцать лян серебра выкупа — и тут же согласился. Невесту он в глаза не видел, но разве это его волновало? Сваха, как водится, послужила мостом, и помолвка была заключена.

Как только деньги оказались в руках — те самые двадцать лян — он сразу отнёс их в игорный дом, чтобы закрыть долги. Но стоило ему вновь обрести свободу — как тут же проснулись старые привычки. Он не собирался и вправду становиться зятем в чужом доме. Жениться на уродливом гере? Пусть даже он и умеет охотиться, да денег приносит больше обычного мужчины — но ночью... как такое целовать?! — с отвращением думал он.

К тому же когда-то ему попала на глаза неполная медицинская книга, где он вычитал рецепт якобы «пилюли мнимой смерти». Так в голове и родился весь этот поганый план, который Юй Шанчжи только что видел как зритель — в картинах воспоминаний.

.....

Сама идея переселения души и перерождения шла вразрез с медицинским и научным сознанием Юй Шанчжи как человека из современного мира. Но в то же время — это был шанс. Шанс выжить. Шанс начать заново.

Всё, что было в прошлом, — ушло. Жизни, где он погиб в пламени, не вернуть.

Раз уж судьба даровала новый путь — не стоит сопротивляться.

Сейчас самое главное — сохранить жизнь в этом новом теле.

Учитывая, что прежний хозяин недавно проглотил неизвестную пилюлю, а потом ещё и вырвал кровью, Юй Шанчжи первым делом поспешил проверить себе пульс. Результат оказался чуть лучше, чем он ожидал... но лишь чуть.

Проще говоря, та самая "пилюля мнимой смерти" была на деле сильнодействующим ядом, который мгновенно отправил оригинального Юй Шанчжи к самому Королю Яме. Лишь переселение новой души вдохнуло в тело новую жизнь и уберегло его от окончательной гибели.

Но остаточные токсины всё ещё блокировали основные каналы ци, что приводило к одной

крайне очевидной проблеме: он действительно ослеп.

К счастью, память прежнего хозяина осталась при нём, и Юй Шанчжи знал состав той самой злополучной пилюли. А значит, мог и разработать противоядие. При должной подготовке, он был уверен: максимум за месяц зрение восстановится.

Но на этом беды не закончились — была проблема куда более щекотливая.

Ощупывая под собой жёсткую деревянную лежанку и грубое одеяло, Юй Шанчжи почти с уверенностью заключил: его, скорее всего, уже доставили в дом Вэнь Ецай. А ведь прежний Юй Шанчжи официально был обручён с этим Вэнь Ецаем как чжусюй — зять в доме жены. Теперь тело принадлежало другому человеку, но брачный договор никуда не делся.

Хуже всего — он уже побывал в этом доме. И, судя по всему... даже на кровати чужого супруга.

Судьба плотно связала ему руки и ноги. Юй Шанчжи испытывал странное, горько-солёное ощущение — как будто стал заложником жизни, которую не выбирал. Душа металась в непонятном раздразе.

И в этот самый момент за тонкой дверью вдруг разгорелся громкий спор — голоса раздавались совершенно отчётливо.

— Я специально прошёл целый час пешком, чтобы осмотреть больного. Умер — это ваши проблемы. А выездной осмотр всё равно оплачивается!

— Старый шарлатан! Ты даже пульс не проверил, сразу пасть раскрыл на тридцать вэнь! Да ты не лекарь, а грабитель!

— Ах ты, значит, так? Ну и посмотрим, как ты потом за помощью приползёшь! Надеюсь, сохнешь под забором — а я даже пальцем не пошевелю!

Прослушав перепалку у двери, Юй Шанчжи быстро уловил суть происходящего и только внутренне покачал головой, не зная — смеяться или вздыхать.

Похоже, Вэнь Ецай, встревоженный состоянием «мужа», отправился за пределы деревни и пригласил деревенского лекаря осмотреть больного. Только вот с ядом такого уровня, как был в теле Юй Шанчжи, деревенский лекарь — тем более безымянный — справиться не мог бы в принципе. И как назло, попался ещё и бессовестный — ни совести, ни сострадания, а только жажда наживы: пациента не спас, но требовал денег.

Юй Шанчжи как раз раздумывал, как бы окликнуть кого-нибудь, чтобы вошли, но только приоткрыл рот — в горле тут же запершило, и сильнейший приступ кашля вырвался наружу. Кашель получился таким резким, надсадным, будто лёгкие выворачивались наизнанку — его

хватило, чтобы привлечь всеобщее внимание за дверью.

Вэнь Ецай распахнул дверь и поспешно вошёл. И что он увидел? Юй Шанчжи, уже пришедший в сознание, с болезненно перекошенным лицом, сидел, опираясь на изголовье и кашлял до изнеможения. Вэнь Ецай тут же подбежал, поправил сползающую с кровати подушку и подоткнул одеяло, стараясь хоть как-то помочь.

— Ты сам только что говорил, что человек не жилец! А теперь он проснулся! Это ты не умеешь лечить, а не он умирал! — с раздражением бросил он старику-лекаря.

У лекаря У и впрямь в голове не укладывалось, как этот человек очнулся. Ведь ещё недавно лицо его было мертвенно-серым, наполненным смертной тенью, — ни один уважающий себя лекарь не дал бы надежды в таком состоянии. Он был уверен: тот вот-вот испустит дух.

И теперь, даже видя, что больной в сознании, он упрямо стоял на своём:

— Ты слишком молода, чтобы судить! Разве не видишь? Это просто последний предсмертный всплеск! Так называемое "сияние перед смертью"! Смерть неотвратима!

Юй Шанчжи к этому моменту только начал восстанавливаться после изнурительного приступа кашля. Он и не собирался особо вмешиваться, но услышанное — это громогласное, уверенное "всё равно умрёт!" — окончательно выбило его из терпения.

Невежда. Притом самоуверенный.

Такого он стерпеть не мог.

— С твоим уровнем... кхе-кхе... ещё и смеешь людей лечить? Настоящий шарлатан, от таких и умирают, — резко бросил Юй Шанчжи, еле отдышавшись после кашля.

Неожиданное вмешательство потрясло всех в комнате. Все, включая самого Вэнь Ецай, опешили: кто бы мог подумать, что больной не только очнётся, но и заговорит — да ещё как.

У старого лекаря У лицо тут же перекошилось от обиды и злости. Его только что открыто пристыдили. Он с раздражением уставился на Юй Шанчжи и наконец вспомнил, что по дороге сюда кто-то из деревни Селю говорил — мол, зять из семьи Вэнь тоже вроде как учится медицине. Правда, недоучка — всего лишь подмастерье без диплома.

Лекарь У фыркнул:

— Юный невежда! Я в этой профессии полжизни! Таких, как ты, я повидал немало. Береги силы, лучше займись завещанием — раз уж языком ещё ворочаешь.

Вэнь Ецай, услышав, как тот чуть ли не в лицо больному желает смерти, вскинулся, словно от горячего угля:

— Тьфу-тьфу-тьфу! Что за дрянь ты несёшь?! У-ланжун, я тебя уважал как старшего, да и как единственного травника на несколько деревень. До сих пор был вежлив. Но человек вон перед тобой уже пришёл в себя, ты же в первую очередь кричишь: "Готовьтесь к похоронам"! Ты хоть знаешь, что такое совесть?

Лекарь У, видя, что его отчитывают как мальчишку, взмахнул рукавами и собрался уходить с видом оскорблённой добродетели. Но, дойдя до двери, вдруг остановился. Неторопливо обернулся, провёл ладонью по бородке, принял нарочито важную позу и, глядя свысока, молвил:

— Говоря откровенно, парень ещё не совсем потерян. Вопрос в другом — готовы ли вы, семья Вэнь, раскошелиться?

— Что ты хочешь сказать? — нахмурился Вэнь Ецай, в голосе зазвучала настороженность.

Юй Шанчжи внутренне напрягся — предчувствие подсказывало: дело плохо. И действительно, следующий ответ старика не заставил себя ждать:

— Парень ваш — это уже ослабленный лук, натянутый до предела. Но у меня есть многолетний горный женьшень — редкий, ценный, настоящий клад. Вот он может поддержать жизнь ещё на какое-то время.

Жители деревни не разбирались в медицине, знали лишь, что женьшень, оленьи рога и линчжи — вещи редкостные и драгоценные, способные в критический момент спасти человеку жизнь. Услышав это, Вэнь Яцай, даже несмотря на накопившееся раздражение к лекарю У, всё же почувствовал сомнение: в памяти невольно всплывал тот окровавленный наряд Юй Шанчжи.

Лекарь У сказал всё это не случайно — он прекрасно знал, что у семьи Вэнь водятся деньги. Он бывал в деревне Селю не впервые, а о том, что Вэнь Ецай — «уродливый гер», на котором никто не хочет жениться, слышал не раз.

Говорили, он был охотником, как-то раз на базаре продал волчью шкуру и выручил за неё добрые несколько десятков лян серебра. С таким-то человеком, если тот бросится спасать кого-то, можно неплохо пожить. А если спасти не выйдет? Ну что ж, на всё воля неба.

С этими мыслями лекарь У, решив ковать железо пока горячо, торопливо добавил:

— У меня есть женьшень — десять лет рос в горах, настоящий старый корень. Если упустишь сейчас — потом уж не найдёшь.

«Десятилетний женьшень» — звучало внушительно. Вэнь Ецай опустил глаза на бледного, как смерть, Юй Шанчжи, сжал зубы и, наконец, решился:

— Сколько ты хочешь за этот женьшень?

Лекарь У был в восторге — уловка сработала! Но виду не подал, с трудом сохраняя выражение безмятежности, выставил пять пальцев и сказал:

— Мы ж земляки, цену дам честную — пятьдесят лян.

Стоило ему озвучить цену, как Юй Шанчжи не удержался и усмехнулся. У лекаря У задрожали губы, на виске вскочила синяя жилка.

«Что за дьявольщина! — пронеслось у него в голове. — Этот юнец почти что мёртвый, а всё продолжает мне перечить!»

На этот раз Юй Шанчжи не дал ему открыть рта. Его голос прозвучал резко и прямо:

— Раз уж у тебя при себе есть десятилетний женьшень, позволь и мне на него взглянуть. Не откажешь же в таком одолжении?

<http://bllate.org/book/13600/1205918>